

первой части книги Швеглера о до-историческомъ легендарномъ періодѣ исторіи Рима—на 9 печатныхъ листахъ? Очевидно, размежеваніе между литературными и учеными журналами еще не состоялось, и почтенныя „Отечественныя Записки“ пятидесятихъ годовъ считали долгомъ выносить на своихъ плечахъ и науку въ узкомъ смыслѣ этого слова, а обычная журнальная публика была въ состояніи, между прочимъ, прочесть и ученый *трактатъ*.

Но если въ данномъ случаѣ мы можемъ говорить о вторженіи спеціальнаго изслѣдованія въ область журнальной литературы, то, въ общемъ, статьи Кудрявцева представляютъ собою совершенно другой, противоположный интересъ. А именно, всѣ онѣ служатъ замѣчательнымъ проявленіемъ эпохи, когда исторіографія отличалась у насъ преимущественно литературнымъ характеромъ, когда она, въ извѣстномъ смыслѣ, представляла собой отрасль беллетристики. Еслибы мы здѣсь имѣли дѣло съ единичнымъ фактомъ, мы могли бы искать объясненія въ личномъ талантѣ или наклонностяхъ автора. Въ натурѣ П. Н. Кудрявцева была сильная потребность художественнаго элемента; онъ живо ощущалъ красоту внѣшнихъ формъ; объ этомъ громко свидѣлствуетъ горячій восторгъ, съ которымъ онъ привѣтствовалъ встрѣтившіяся ему за границей произведенія античной скульптуры и новой живописи. П. Н. Кудрявцевъ былъ и самъ литераторомъ, прежде чѣмъ сталъ историкомъ; его потребность художественнаго творчества выказалась въ цѣломъ рядѣ повѣстей. Понятно, что, сдѣлавшись историкомъ, онъ перенесъ и въ исторію нѣкоторые приемы и вкусы литератора. Но, какъ мы уже сказали, не все здѣсь объясняется личными свойствами нашего автора, ибо беллетристическимъ оттенкомъ отличается вообще исторіографія того времени. Это обуславливалось самимъ временемъ и вкусомъ публики. Конечно, этотъ вкусъ публики былъ не совсѣмъ добровольный. При отсутствіи того, что называется внутренней политической жизнью, и при невозможности касаться политическихъ вопросовъ у другихъ народовъ, изящная литература и поэзія безраздѣльно должны были занимать вниманіе читающей публики. Но и политикой не все можно объяснить. Дѣло все-таки въ томъ, что у насъ, какъ въ другое время и у другихъ народовъ, исторіографія развилась изъ беллетристики и долго носила черты матери. Въ области *русской* исторіи, гдѣ творческая дѣятельность была значительнѣе и самобытнѣе, это явленіе гораздо замѣтнѣе, и контрастъ рѣзко бросится въ глаза всякому, кто сопоставитъ *Исторію государства Россійскаго* Карамзина, гдѣ старина замаскирована литературнымъ плащомъ, съ *Исторіей Россіи* Соловьева, гдѣ исторія, чтобы быть